Краденое счастье 2. Заключительная

Автор:
Ульяна Соболева

Краденое счастье 2. Заключительная

Ульяна Павловна Соболева

Счастье взаймы #2

У меня отняли все. Лишили имени, средств к существованию и даже лица, но за все приходит расплата. Я собираюсь отомстить и вернуть самое дорогое, что у меня отобрали. Какой ценой? Это не имеет значения.

18+ за эротику. В книге нет сцен жестокости и насилия.

Содержит нецензурную брань.

Глава 1

– Сеньор Альварес, два проигранных по вашей вине матча – это не пустяки.

– У меня была травма. И я хочу отсудить у этих ублюдков мои миллионы, а также право вернуться в сборную.

– Они вложили свои миллионы в вас и, если я стану защищать ваши права в суде, я должен знать то, чего вы не озвучивали журналистам. Каждый подводный камень, который может всплыть, как кусок дерьма в забитом унитазе. Вы не должны ничего от меня скрывать. Либо ищите себе другого адвоката.

Мануэль Васко самый крутой правозащитник в Мадриде, если не во всей Испании. Хитрый, пронырливый, циничный сукин сын, чьи услуги стоят, как один шикарный пентхауз или Ламборджини. Мрачный тип с очень странной внешностью. С маленькой головой, длинной тонкой шеей и отвисающим, как пустой мешок из кожи, вторым подбородком. Говорят, что Васко когда-то весил под двести кило, и поэтому теперь так выглядит. Проблемы с сердцем не позволяют ему делать много пластических операций. За глаза Васко называли Индюком. Из-за невероятного сходства с этой птицей. Сам Васко считал это сравнение оскорбительным.

Но он и только он мог вытащить Арманда из того болота, в котором тот сейчас оказался, пока неизвестно по чьей вине.

– Что именно вы хотите знать?

– В вашей крови был обнаружен алкоголь. На момент получения травмы вы были в алкогольном опьянении. Понятное дело, что потом заключение экспертизы куда-то пропало, и вы, конечно же, не имеете к этому никакого отношения, но этот факт всплывет на суде. Я хочу знать правду – вы были пьяны, когда вышли на поле?

Альварес отвернулся от адвоката и потер подбородок, пятидневная щетина неприятно колола пальцы, а во рту оставался привкус вчерашнего виски.

– Да. Я выпил. Но не так много, как эти ублюдки написали в заключении.

– Кто-то может подтвердить, что вы были пьяны? Какие-то конфликты, разговоры о запахе и так далее?

– Да, бл*дь, могут. Я повздорил с Хуаном, с этим сучьим потрохом, который возомнил себя звездой, а потом поставил мне подножку на поле!

– Вы подрались?

– Я подбил ему глаз.

– И вас разнимали другие члены команды. Они знали, что вы были пьяны?

– Я не был пьян! Я выпил один единственный бокал виски.

– В семь утра?

– Да хоть в пять утра!

– Вы помните условия вашего контракта?

– Нет. Их помнит тот, кто заключал его вместо меня. Поговорите с Рамиресом.

– Поговорю. Что еще может вас опорочить перед судом? Постыдные связи, увлечения, извращения.

– Нет.

Хмуро ответил Арманд и посмотрел на адвоката, чье лицо напоминало ему акулью морду. А у самого перед глазами очередная девочка в костюме горничной покорно сосет его член, стоя на коленях и сжимая в руках его портмоне.

– Уверены?

Сука пронырливая, все ему надо знать. Вытаскивает, как клещами, и эти твари, которые забыли сколько денег он им принес, решили вдруг от него избавиться. Нашли ему замену. Хуана, Хуанито, мать их. Прикормыша хозяина сборной.

– Вы ходите к проституткам.

Не вопрос, а утверждение.

– Да. А это теперь считается извращением?

– Не считается, но вы женаты и у вас маленький сын. Минус одно очко перед судьей. Вы заведомо в проигрыше. Ваше дело – это утопия, это полнейшее, вонючее дерьмо.

– И?

Альварес посмотрел на адвоката исподлобья. Кажется, он набивает себе цену. Ужасно хотелось послать его на хер. Но сдерживало одно – если Васко откажется его защищать, никто другой не сможет этого сделать вообще.

Детский плач оторвал от мыслей. Арманд старался его игнорировать, но у него не получалось, и он начал нервничать, когда ребенок зашелся криком, Альварес вскочил с кресла и бросился из кабинета вверх по ступеням в игровую.

– Каролина! Ты где? Ты что его не слышишь? Я же предупреждал, что вечером буду занят!

Игровая оказалась закрытой снаружи, и в замочной скважине торчал ключ. Распахнул дверь и увидел малыша совсем одного в темной комнате, он сидел на ковре в окружении игрушек и кричал от страха. Наверное, его заперли, когда еще было светло.

– Твою ж… Каролина! – подхватил ребенка на руки. – Тшшш, тихо, папа пришел.

– Там…там, – малыш заходился от плача, – там…чу…до…ви…ви…ще.

– Где? Нееет, там никого нет. Давай включим свет и посмотрим.

Подошел с мальчиком к стене, щелкнул выключателем.

– Где?

– Там! – ребенок протянул ручку и показал на шкаф.

Альварес распахнул шкаф, подвигал коробки с игрушками.

– Вот, видишь? Никого нет. Где твоя мама?

Пожал плечами и отвел синие глаза в сторону.

– Ушла?

Малыш кивнул.

– Давно?

Он снова кивнул.

Сучка. Сколько раз предупреждал так не поступать, но она постоянно делала назло. Доставала его через сына, давила и манипулировала. Ни одна няня не могла с ней сработаться. Или не нравилась маленькому Матео. В свои три года мальчик практически не разговаривал, отставал в развитии и не шел на контакт ни с кем.

«Он весь в тебя, упрямый, хитрый, невыносимый. Я с ним не справляюсь. Он на все говорит мне «нет». Делает назло. Он меня ненавидит.

– Не истери! Это твой сын! Он маленький и еще не может делать все то, что ты говоришь сейчас.

– Может! Ты просто слишком его любишь! Души в нем не чаешь! Он вообще единственный, кого ты любишь! А он – настоящее исчадие ада. Ни одна няня его не выдерживает! Он орет, закатывает истерики, дерется, не сидит на руках! Он невыносимый!

– Ему нужна мать! Понимаешь? Мать! Не няня. Проводи с ним больше времени, и тогда ребенок станет вести себя намного лучше. Психолог говорила тебе об этом. Ему нужно внимание. Зачем ты его рожала?

– Чтобы…чтобы ты полюбил меня. Чтобы ты… Какая теперь разница зачем. Он есть. А у меня тоже есть своя жизнь, и я не буду сидеть с ним дома целыми днями. Ты не запрешь меня в четырех стенах. Особенно… с ним. Он сведет меня с ума.

– Найди еще одну няню.

– Сам ищи. Может, у тебя лучше получится. Я уже пять агентств сменила. Мне советуют не няню, а хорошего специалиста

– Моему сыну не нужны специалисты. Ему просто нужно твое внимание.

– А я хочу жить. Ищи няню, Арманд. У меня начались съемки».

Дрянь, закрыла ребенка и уехала на свои сраные съемки. Набрал номер жены, но та не отвечала. Набрал еще несколько раз.

– Что? Не справляешься со своим сыночком?

– Ты…ты реально это сделала? Реально заперла малыша одного в комнате и, не сказав ничего мне, уехала?

– А что? Он бы не смог оттуда выйти и что-то натворить. Розетки закрыты, окна тоже. Сидит себе тихонечко…

– Ты…ты отмороженная дура!

Отключил звонок и в ярости сунул сотовый в карман халата. Держа мальчика на руках, вернулся в кабинет.

– Простите. Семейные проблемы.

Сел в кресло, усадил мальчика на колени. Адвокат подмигнул малышу.

– Как тебя зовут?

Малыш смотрел на мужчину исподлобья, как маленький злобный зверек. Он не любит чужих. Относится к ним враждебно.

– Его зовут Матео. Он не разговаривает.

Ребенок тут же потянулся к подставке для ручек и ловко вывернул ее на пол. Альварес поставил подставку на место и усадил мальчика лицом от себя.

– У вас нет няни?

В эту же секунду ребенок столкнул чашку с кофе, и вся жидкость разбрызгалась на пол и заодно на светло-бежевые штаны Васко.

– Нет. Пока нет. Матео трудный ребенок, и найти ему няню не так просто.

Адвокат кивнул и начал собираться.

– Я свяжусь с вами в понедельник. Просмотрю все материалы дела и решу – возьмусь за него или нет.

– Ин-дюк. Ин-дюк. Ин-дюк.

– Что?

Адвокат повернулся к ребенку, и его белое лицо покрылось красными пятнами.

– Это он мне сказал?

– Он не разговаривает. Это просто звуки.

Когда за адвокатом закрылась дверь, Арманд развернул ребенка к себе.

– Ну и что ты наделал? М? Оставил меня без защиты? Ты почему назвал этого…этого индюка индюком?

Малыш улыбнулся и обхватил лицо отца ладошками, и Альварес невольно ему улыбнулся в ответ. Да, Каролина права, любовь к ребенку была абсолютной, невыносимо сильной и неоспоримой. Пожалуй, это единственное, что держало его на плаву. Единственное, из-за чего нужно взять себя за шкирку и заставить подняться на ноги… Он помнил, почему выпил тогда… Очередной отрицательный результат по поиску. Тупик. Казалось, он так близко, казалось, нашел ЕЕ. И дикое разочарование. Как еще одна смерть.

– Пошли, я нагрею тебе кашу. Но завтра мы будем искать няню, и тебе придется с этим смириться.

Сын отрицательно покачал головой.

– Хочешь сидеть с мамой?

Тоже отрицательно качает головкой и обнимает отца за шею.

– Я не могу.

Обнял сильнее и прижался всем тельцем.

– Правда, не могу. Мне надо возвращаться в спорт… иначе ты не сможешь мною гордиться. Никогда.

– Сеньор Альварес, к вам пришли.

– Кто?

Арманд повернулся к дворецкому.

– Женщина, говорит, что она по объявлению… Но насколько мне известно, вы работаете с агентством.

– Пусть подождёт за дверью, я поговорю с ней.

Зазвонил его сотовый, и Арманд потянулся за телефоном. На дисплее российский номер, и он тут же ответил.

– Слушаю.

– Это Митрофанов.

Сердце гулко забилось.

– Новости есть?

Матео начал крутиться на руках, пытаться выхватить сотовый, когда Альварес вырвал мобильный из рук ребенка и отвернулся с телефоном, мальчик заплакал.

– Давайте я его подержу.

При звуке этого голоса, Арманду показалось, что его прошибло холодным потом, и задрожали колени. Он резко обернулся.

Глава 2

Молодая, темноволосая женщина лет двадцати пяти протянула к ребенку руки. Альварес хотел возразить, но в трубке раздался голос частного детектива:

– Есть следы. Мы их нашли. Пока не уверен, что след правильный. Ее узнали многие люди.

Матео выкрутился так, что чуть не упал, и женщина тут же его подхватила. И Арманд передал ей ребенка, продолжая пристально на нее смотреть и ожидая, что вот-вот грянет привычная истерика. Матео не принимал новых людей. Он мог ударить или укусить вновь прибывшую няню или того, кто просто протягивал к нему руки. На этом знакомство обычно заканчивалось. Особо смелые пытались приспособиться, но их хватало не больше, чем на пару недель. Женщина поудобней устроила мальчика на руках, поправила ему кофту.

– Привет. Я Нина.

Как ни странно, она не получила кулаком по голове. Но это могло произойти в любой момент. И Арманд стоял настороже. Как она вообще вошла в здание, и как ей хватило наглости взять на руки чужого ребенка?

– Одну минуту обождите. – сказал в трубку и повернулся к незнакомке.

– Имейте в виду, он может вас покалечить… Нинааа, – ей подходит это имя. Нина по-испански значит – малышка. И эта маленькая, хрупкая. Сама похожа на ребенка.

Арманд отошел к окну, заговорил по-русски.

– Какие следы?

– Ее узнали в одной из деревень под городом. Говорят, она там жила какое-то время.

Обернулся на женщину и сына. Матео внимательно ее рассматривал, а когда замахнулся, она перехватила его ладонь… Арманд задержал дыхание и чуть не взвился от злости, но женщина прижала ладошку Мати к своей щеке. Погладила себя ручкой мальчика. Невысокая, черноволосая, очень скромно одета, во все серое, практически без косметики, волосы заплетены в толстую косу. Пол-лица скрывают очки. Кто их носит в наше время. Все ходят в линзах. Стекла слегка тонированы, но видно, что глаза у нее светлые. Что-то в ее движениях неуловимо завораживает. Словно он ее уже где-то встречал, но в то же время совершенно уверен, что видит впервые. Это лицо ему совершенно незнакомо. Да и ничего интересного в ней на первый взгляд нет. Невзрачная, незаметная. На улице он бы ей вслед не посмотрел. И именно это выглядело странным. Арманд не мог понять почему.

– С кем жила?

– С каким-то дедом. Потом он умер, и все. След обрывается. Но я нашел человека, который видел, как ее затолкали в машину. В районном центре. Я показал фото, и ее узнали. Вознаграждения за информацию творят чудеса.

Женщина что-то говорит Матео, а тот внимательно слушает, потом попытался забрать ее очки, и она не просто отдала, а надела ему на нос. Он засмеялся. Впервые с кем-то чужим.

– Ищите дальше. Пока что это лишь домыслы. Человек не может исчезнуть. Так не бывает.

Отключил сотовый и снова посмотрел на незнакомку и своего сына. Они стояли перед зеркалом, и Матео корчил рожицы все еще в ее очках.

– Каким образом вы узнали, что я ищу няню? Вы не из агентства, а объявлений на улице я не развешивал!

Обернулась и у него на мгновение дух захватило. Ее глаза. Пронзительно синие, глубокие, манящие, так похожие на… Он тряхнул головой, обводя чужое идеальное лицо критическим взглядом. Вблизи она невероятно красивая, как будто вылепленная талантливым скульптором. Ни одного изъяна. Ровный нос, маленький подбородок, четкие скулы, пухлые, нежные губы. У него возникло странное ощущение, что женщина хочет казаться некрасивой. Нарочно одевается незаметно, прячет волосы, не красит и сжимает губы, не носит бижутерию и не пользуется косметикой. И это настораживало. Замухрышек и лохушек видно за версту. Он их нюхом мог учуять.

– Верно. Я не из агентства. Простите, что ворвалась к вам в дом.

Голос. Ее голос звучал так, что ему хотелось заткнуть уши. То ли знакомый, то ли наоборот какой-то нервирующий. Она говорила по-испански с акцентом. И этот акцент придавал голосу глубины.

– У вас работала Агнес, уволилась на прошлой неделе. Она моя подруга. Мне просто очень нужна работа.

– Я не беру людей с улицы. Как и подруг подруг, сестер подруг, бабушек подруг и так далее. Тем более к своему ребенку.

Протянул руки, чтобы забрать Матео, но тот заерзал у незнакомки и уклонился. Это ввело Арманда в ступор. Чертовщина какая-то. Она что ведьма? За секунду зацепила мальчишку. Чем – одному дьяволу известно.

– Медвежонок, иди ко мне. Давай. Иди к папе.

– Нет! – любимое слово Матео. Он отстранился от отца, но тот насильно забрал его. В ответ мальчик начал выкручиваться, хныкать, отпираться, изо всех сил пытаясь вырваться. Уже привычная истерика, которая перейдет в дикие вопли и

закончится только через час в лучшем случае.

– У вас есть рекомендации? Опыт работы?

– Нет, нету. Я раньше на такой работе не работала, но я люблю детей и уверена, что справлюсь.

– Не справитесь! Матео – сложный ребенок, и ему требуется особый подход. Мне нужны люди с дипломом и педагогическим образованием, а не…

Осмотрел ее с ног до головы. Придраться особо не к чему. Наверное, так и должны одеваться няни.

– Но вы ищите няню уже больше года, и никто у вас не задерживается. Дайте мне шанс. Я понравилась мальчику. Вы же видите!

Наглая, смотрит прямо в лицо, и ему хочется отвернуться, потому что цвет ее глаз озадачивает. Они слишком синие, слишком. И напоминают ему те, другие. О которых надо бы уже забыть.

– Вам пора. Рамирес проведет вас к двери.

Отвернулся от женщины и пошел в сторону игровой, удерживая сына на руках. Снова зазвонил сотовый. Арманд чертыхнулся и прижал телефон к уху, второй рукой пытаясь удержать извивающегося ребенка.

– Да! – рявкнул в сотовый.

– Это Васко. Я возьмусь за ваше дело. Через час жду вас в своем офисе. Обсудим все детали.

Черт. И где он найдет кого-то, кто побудет с Матео? В эту секунду мальчик таки вырвался и побежал следом за незнакомкой. Догнал ее и схватил за юбку. Женщина обернулась, и он ожидал увидеть привычное раздражение, с которым многие смотрели на тяжелохарактерного Мати, но не она. Эта улыбнулась, присела на корточки и позволила Матео снова снять с себя очки. Порылась в сумочке, достала еще одни и надела на себя. Потом помахала ему рукой и снова

пошла к двери. Ребенок бросился за ней, снова хватая за длинную юбку. Твою ж мать! Ладно. Он возьмет ее на один день. Хуже точно не будет, и Рамирес глаз с них не спустит.

– Эй! Вы!

Женщина обернулась, подождала, пока Альварес ее догонит, и подняла к нему лицо с огромными синими глазами. Сильными вспышками он вдруг увидел себя на дороге, льет дождь, и точно так же на него смотрит Таня. Вот так, задрав лицо, с таким же выражением глаз. Именно поэтому она должна уйти. Сейчас же.

– Меня зовут Нина. Если вы забыли.

Нина… Забавно. Уже во второй раз подумалось ему.

– Это не испанское имя?

– Испанское.

– Но ты не испанка.

– Нет, не испанка.

– Откуда ты?

Словно секунда колебаний. И он сам затаился.

– Из Югославии.

Легкое разочарование, он все же думал, что она из России.

– Останься сегодня с Матео. Я заплачу наличными вечером.

– Вы возьмете меня на работу?

– Нет. Только на сегодня. Я не беру людей с улицы, я уже сказал!

Ее глаза вспыхнули, и ему даже показалось, что в них сверкнула ненависть, но тут же погасла.

– Как угодно сеньору. Спасибо и на этом.

Глава 3

Ранее

У него были огромные синие глаза с длинными ресницами, и он тянул ко мне ручки-звездочки и кричал «мама». Я находила его в темной комнате без окон и без дверей в кромешной тьме, хватала на руки, выносила на свет и видела эти глаза. Точно такие же, как и мои. Моя единственная и самая настоящая любовь. Мой сын. Мой сладкий мальчик. Я не могла тебя нафантазировать. Не могла.

Меня убеждали, что малыш родился мертвым. А я сама чуть не умерла от заражения крови. Но это они сами чуть не убили меня, когда внесли инфекцию при родах, которые принимали в подвале, чтоб никто из персонала не знал о них. И когда я не смогла родить сама – усыпили. Чтобы потом, едва отошедшую от наркоза, вышвырнуть на стройке.

Когда я пришла в себя уже в другой больнице, то громко кричала. Просила вернуть мне ребенка. Меня скрутили, укололи успокоительное и привязали к кровати, затыкая рот кляпом. Потом так делали все время. Задурманенная лекарствами, слабая, раздавленная, как жалкое насекомое, я начинала верить, что, может быть, я все придумала, что, может быть, не было никакого ребенка, и на самом деле я лежу в клинике, потому что сумасшедшая. Я смотрела в потолок и беззвучно плакала, кусала свой кляп и немела от боли и тоски. У меня было непроходящее чувство опустошения. Будто я чего-то лишилась, у меня отняли самое дорогое, и теперь я пустая, и мне так плохо от этого, что хочется умереть. Потом и это прошло. Я погрузилась в туман, он был теплым, мягким и укутывал

меня словно пуховым платком, как у бабушки в детстве. Там хорошо. Нет боли, нет воспоминаний.

Я успокоилась, если этот коматоз можно назвать спокойствием. Меня начали отвязывать, выпускать погулять, водить в столовую. Социализировать. Собаку я увидела случайно. Подошла к окну и заметила, как она сидит под деревом и смотрит наверх. В голове что-то ярко вспыхнуло и погасло. Как отрывок из фильма. Потом я постоянно подходила к окну и смотрела на нее. На овчарку, сидящую под окнами. Она меня завораживала. Словно в ней было что-то скрыто. Очень важное.

Ее прогоняли, били палками, однажды даже полили ледяной водой и затолкали в машину. Какое-то время она не приходила, а я ждала и выглядывала в окно. И когда увидела, как она бежит по снегу обратно, как прыгает через сугробы, то в голове опять вспыхнула картинка, только теперь отчетливо и очень ясно.

«– Эй! А ну стой!

Я спряталась между стеллажей, отступая к черному ходу. Выскочила на улицу, внимание привлекла машина с открытым багажником и старик, заправляющий «Ниву». Я бросилась туда, запрыгнула в багажник и спряталась за ящиками с рассадой, выглядывая и ища глазами блондина. Он выбежал на улицу с телефоном. Оглядывается по сторонам. Обежал вокруг всю заправку. Потом пошел к машинам, я залегла на дно, и тут старик вернулся, захлопнул дверцу багажника.

Внезапно надо мной раздался странный звук, похожий на чавканье, и я приподняла голову. Глаза с ужасом широко распахнулись. Мое лицо сравнялось с огромной собачьей, овчарочьей мордой. Глаза в глаза. От страха показалось, что я снова хочу в туалет, потому что это чудовище в два счета могло сожрать мою голову, и судя по низкому рокоту, я ему явно не нравлюсь.

– Простите. Вы не видели здесь женщину? Невысокую, в зеленой робе уборщицы. Чаевые ей дать хотел, а она как сквозь землю провалилась.

Вздрогнула от внезапно раздавшегося рядом голоса блондина, не отрывая взгляд от собаки. Сейчас она залает, и меня найдут.

– Нет, молодой человек. Не видел. Да и глаза у меня уже не те, чтоб кого-то рассматривать.

– Женщина, красивая, невысокая, худенькая.

– Я уже давно не смотрю на женщин.

– А в машине у вас что?

– Какая разница? Вы из полиции?

– Ты, дед, не умничай. Покажи, что в багажнике.

– Шел бы ты, сынок, подобру-поздорову.

– Багажник, сказал, покажи! Не то я тебе все твои дряхлые кости пересчитаю!

– Ну как хочешь.

Я, тяжело дыша, смотрела на собаку и тихо прошептала:

– Пожалуйста… хороший песик… молчи.

Прижалась животом к дну, глядя на массивные собачьи лапы.

Багажник едва открыли, и я услышала злобный рык, от которого кровь стынет в жилах. А затем грозный лай. Собака подалась вперед, она рычала и ревела, как самое настоящее чудовище.

– Твою мать, бл*дь! Предупреждать надо!

– Ну… ты хотел посмотреть, вот и посмотрел.

– Убери свою бешеную псину, она сейчас в меня вцепится!

– Не вцепится. Тихо, Гроза, тихо. Он уже уходит. Яйца откусишь ему в другой раз.

– Старый козел.

– Иди-иди, куда шел. И чаевые свои засунь себе в зад. Тише, Грозушка, моя. Тише, девочка. Ну придурок. Сама знаешь, таких сейчас пруд пруди».

– Гроза! – я провела пальцами по стеклу и застыла, чувствуя, как сводит болью голову и сильно ломит в висках. Потом я вспомнила и много других эпизодов из своей жизни… Но еще не знала – воспоминания ли это или мой собственный бред. Мне нужно было убедиться в этом лично. Я перестала принимать лекарства. Не сразу, а постепенно. Словно откуда-то знала, что такие препараты просто так не бросают. И еще мне нужно было прочесть свое дело, а для этого надо попасть в кабинет к главврачу. Есть два способа: один радикальный – это затеять истерику или срыв, и тогда он снова будет проводить свои тесты; и второй – это вести себя хорошо, и тогда в виде поощрения могут пустить убирать его кабинет. Первый – быстрый и неудачный, а второй – медленный и, возможно, несбыточный. Я решила, что торопиться мне некуда. Меня никто и нигде не ждет. Они называли меня Алиса. Никто не знал моего настоящего имени, как и я сама.

И мне предстоял поиск неизвестно чего… А потом мне приснился сон. Самый первый, не бредовый, настоящий сон. Я видела в нем маму, и она называла меня «Таточка моя», гладила по скулам и говорила, что все будет хорошо. Что я сильная и я справлюсь. Она точно знает.

Значит, меня зовут Таня. Или и это тоже бред?

Я нашла документы в кабинете главврача. Не сразу и не в первый день, а через год аккуратных поисков. Через год, в который я притворялась кем-то другим, изображала больную, отзывалась на имя «Алиса» и заставляла всех верить, что я тихо помешанная и совершенно неопасная для общества. А потом читала о себе. Читала жадно, по кусочку, маленькими отрывками, потому что у меня было всего пятнадцать минут на поливку цветов и вытирание пыли.

В документах было написано, что меня нашли на стройке, я страдаю амнезией, маниакальным психозом, галлюцинациями и шизофренией. Недавно перенесла кесарево, у меня анемия. На лице глубокие шрамы от порезов. Потом я их рассматривала, эти шрамы. Мой мозг отказывался вспоминать, как они там появились. Он блокировал эти моменты, и я корчилась от боли, когда пыталась вспомнить. Тогда я была еще не готова.

Единственное, что я помню отчетливо – это роды. Помню этот ужас, эту боль, эти грубые окрики акушерки. Она называла меня «сукой». Не по имени, а просто «сукой».

– Тужься, сука. Работай. Иначе выдавим его из тебя.

– Ногами идет. Кесарить надо.

Потом погружение в сон. Ненадолго. То ли дозу не рассчитали, то ли у меня организм такой. Я пришла в себя посередине операции. Словно в тумане видела склонившихся надо мной мясников в белых халатах.

– Она глаза открыла! На нас смотрит!

– Пусть смотрит! Вытаскивай ребенка!

– Умрет от болевого шока, если полностью очнется!

– Какая разница? Пусть умирает. Тебе ж сказали – только его спасать.

Но боли я не чувствовала. Потом услышала, как сын кричал, когда родился. Громко, переливисто. Так кричал, что я сама заплакала, но сказать ничего не могла.

– Правильно, реви, сука. Степан, вколи ей что-то, чтоб не смотрела на меня. А ты что стала? Уноси пацана. Быстро! Чтоб не орал здесь! А то услышит кто-то!

Когда пришла в сознание и попросила увидеть ребенка, мне сказали, что он умер еще ночью, и чтоб я о нем забыла. Но я не забывала, и мне помогли забыть. Накололи психотропными препаратами и вышвырнули за городом. Подыхать.

– Вывезешь ее отсюда и кинешь где-нибудь. Скажем потом, что удрала из больницы. Подальше от греха.

– Дык помереть может. Зима ведь.

– И это станет самым лучшим для нее концом, как и для нас. Давай меньше разговаривай. Вывози. У меня проверка нагрянет в понедельник, а тут эта со швом своим гнилым. Все. Давай. У нас тут не роддом, ты сам знаешь. Вопросов потом не оберёмся.

Их голоса мне снились по ночам. И лица. Той, что принимала роды, и той, что унесла ребенка. Я их помнила, только не знала имен.

***

Я ненавидела утро. Ненавидела эти солнечные лучи, которые отбирали у меня иллюзию счастья. Растворяли голос моего сына и делали его нереальным. Потянулась в кровати. Открыла глаза. В спальне пахнет цветами. Я слышу плескание морских волн за окном, пахнет бризом и кричат чайки.

Потянулась, приподнимаясь в постели, и тут же в ужасе хотела вскочить, но тело слишком болело, ныли мышцы, тянуло нервные окончания. Я приходила в себя медленно, долго. Ощущая удобную кровать, высокий и упругий матрас. В комнате уютно, чисто и очень красиво. На персиковых стенах нарисованы белые цветы, шторы развеваются от теплого ветра.

Я помнила утро, когда меня увезли из клиники. Собаки не было уже больше недели. Ее забрала желтая машина. На живодерню. Отловили и засунули в кузов. Она скулила, пищала, а я понимала, что ничего не могу сделать и ничем не могу ей помочь. Я немощная, жалкая и бесполезная. Во мне нет смысла.

Это был день, когда я решила, что больше так не могу. Что лучше не быть… чем быть вот так. Я молилась тогда Богу и просила у него прощения за свои мысли, просила дать мне хотя бы один знак, чтобы понять, ради чего я живу и нужно ли мне жить. Маленький знак, соломинку, зацепку.

Стояла у окна и смотрела на дерево, где постоянно сидела Гроза, а потом прижалась к нему лицом и широко распахнула глаза. Собака вернулась. Она мчалась со стороны дороги, неслась что есть мочи и как всегда устроилась на своем привычном месте, а за мной пришли санитары.

***

Меня привели к главврачу, и он сообщил мне, что я уезжаю. Это был не просто знак, а огромный значище, словно меня схватили цепкие пальцы и удержали на самом краю. Я все еще балансировала там, все еще не приняла никакого решения и не поняла, кто я на самом деле.

Тот человек, мой спаситель, представился мне Владимиром. Сказал, что я нахожусь в его клинике, и он может изменить мою жизнь полностью. У него были светло-серые глаза, приятное лицо, русые волосы и мальчишеская улыбка.

– Кто вы такой, и зачем я здесь?

– Вы здесь, чтобы измениться, если захотите.

– Я не хочу. Я хочу уйти отсюда. Или я в тюрьме?

– Нет, вы не в тюрьме.

С недоверием посмотрела на него. Неужели? Он ведь наверняка знает о моих диагнозах и считает сумасшедшей.

– За вами наблюдал все эти дни психиатр. Он не считает, что вы больны и опасны для общества. Выписал вам легкие лекарства. Вы можете их принимать лишь по желанию.

Словно прочел мои мысли.

– Зачем вам все это. Где я? И кто вы такой?

– Называйте меня Владимир. И я – пластический хирург. Дарю людям новые лица, новую внешность, новую жизнь. Вы видели ваше лицо? Кто с вами это сделал?

– Что сделал?

– Ваши шрамы – это следы от порезов. Кто порезал вам лицо?

– Не знаю.

Я действительно не помнила, как это произошло.

Пальцы сами нащупали шрамы.

– Хотите на себя посмотреть?

– Нет! Я уже видела! Не трогайте меня. Я хочу побыть одна.

Тогда он ушел, и наш разговор ничем не закончился. Каждое утро начиналось одинаково. Мне приносили завтрак, я мылась в ванной, не глядя в зеркало, потом выходила на балкон и смотрела на море. Я могла смотреть на него часами, не шевелясь и не двигаясь.

Все изменилось в одну секунду. Это было такое же абсолютно утро. Такое же, как и всегда, и передо мной стоял ароматный травяной чай, тост с сыром и ветчиной. Подвешенный на стене телевизор тихо работал. Его включала медсестра. Я на него никогда не смотрела, а тут подняла взгляд, и уже через секунду чай полетел на пол, я вскочила с кровати и подлетела к телевизору, жадно всматриваясь в экран, пожирая его глазами.

Там показывали темноволосого красивого мужчину с женщиной блондинкой. Мужчина держал на руках маленького ребенка с огромными синими глазами. Я смотрела то на мужчину, то на ребенка, то на женщину. Смотрела так, будто у меня остекленели глаза. И голос диктора за кадром.

– После скандала с допингом Альварес вместе с женой и сыном удалились в загородный дом. Жена всячески поддерживает Арманда, как и его многочисленные фанаты. Говорят, что с рождением сына супруги помирились, и больше нет разговоров о разводе. Они выглядят счастливыми, влюбленными, и их малыш просто прекрасен. Неизвестно только, в кого у него такие синие глаза. Альварес уверен, что ребенок похож на его мать, у которой русские корни. Еще неизвестно, чем закончится скандал с допингом в крови футболиста, но все говорят о том, что, скорее всего, он будет замят, и Альварес возвращается в сборную.

Я прижала ладонь к плазменному экрану, туда, где было лицо малыша, и беззвучно заорала. Потом стянула телевизор и раздавила его ногами. Чуть пошатываясь, вошла в ванную и стала перед зеркалом, глядя на свое исполосованное, страшное лицо, на котором видны только глаза. Такие же синие, как и у сына Альвареса. У МОЕГО СЫНА, КОТОРОГО ОН У МЕНЯ ЗАБРАЛ! ОНИ ЗАБРАЛИ! Он и его дрянь жена! Это она изуродовала мое лицо!

Я смотрела на свое отражение, на тонкий шрам от ошейника на шее, на глубокие рубцы на лице, на шрам от кесарева на животе. На свой убогий вид, на выпирающие кости и ключицы, трогала выдранные клоками волосы. Они уже отрасли, но одни были намного короче других.

– За что? Будьте вы оба прокляты! За что вы со мной так? За чтоооооо?! Ненавижу, твари! Я вас ненавижууу!

Била по зеркалу и кричала своему отражению.

Колени подогнулись, и я упала на пол, глядя перед собой, как все расплывается из-за слез. Я рыдала. Стояла на четвереньках и рыдала, раскачиваясь из стороны в сторону. Моя боль выплескивалась слезами и стонами, криками и разрушительной яростью. Которая поднималась внутри.

– Я отомщу им…всем. Всем до одного. Отомщу и верну своего сына. Надо будет, я его украду, но мой мальчик вернется ко мне.

Уже вечером я сидела напротив Владимира, сложив руки на коленях.

– Измените меня. Я хочу начать новую жизнь. И…где моя собака?

Глава 4

Видеть свое лицо и в то же время не свое, касаться его руками, проводить по щекам кончиками пальцев и понимать, что там я… но этот человек мне незнаком. Красивая, недосягаемая, журнально-киношная. Я такой быть не могу. Такими только где-то в Голливуде бывают.

Обернулась на врача – Владимир стоит сзади и улыбается уголком рта.

– Нравится?

– Не знаю.

– Ничего. Надо привыкнуть. Но если измерять ваши черты линейкой, то у вас будет идеальное соотношение всех параметров. Вы – совершеннейшее произведение искусства. Лучшее из всех, что у меня когда-либо получались.

Мои волосы струятся по плечам. Длинные, шелковистые, темно-каштановые, почти черные. Трогаю их рукой, там, где были вырваны клочья, ощущаются мелкие капсулки. Нарастили… Красиво. Тряхнула головой, и пышная шевелюра упала мне на глаза. Пахнут шампунем, рассыпаются по пальцам.

– С телом тоже работали. Немного, но все же. Увеличили грудь, подправили ягодицы и бедра.

Я не хотела смотреть, пока все не будет готово и не заживет. Боялась испугаться, боялась отказаться и не решиться меняться дальше. Как будто я убивала Таню, закапывала ее по кускам в могилу. Туда, куда ее отправили Альварес с женой. Это они ее растерзали.

– Я просила убрать родинки и родимые пятна. Вы убрали?

– Конечно. Хотя не знаю, зачем вам их надо было убирать. Все они эстетически красивы и совершенно не портили вашу внешность.

– Они мне не нравились.

Я развязала тесемки халата и позволила ему упасть к моим ногам, рассматривая свое обнаженное тело. Сравнивая с тем, которое помнила. Да, это совершенное, как с обложек журнала. Не придерешься ни к чему. Каждый изгиб идеален. Провела руками по груди, по плоскому животу, по тоненькому шраму после кесарева, который тоже подшлифовали. Предлагали убрать совсем, но я отказалась. Я хотела на себе этот след. След рождения моего сына. Напоминание о том, что он у меня есть. Владимир отвел взгляд. Отвернулся. Я не воспринимала его, как мужчину. Разве не он это тело ваял и лепил? Он видел каждый его изгиб во всех ракурсах. Меня больше волновало – понравится ли это тело Альваресу? Как он будет на него смотреть? Не узнает ли меня? Отличаюсь ли я от себя прежней? Не осталось ли каких-то следов, шрамов?

– У вас сохранились фото меня прежней?

– Конечно. Во всех ракурсах.

– Уничтожьте.

Улыбнулась, пытаясь смягчить свою резкость, чтоб голос звучал мягче.

– Пожалуйста, уничтожьте. Не хочу, чтобы та… я оставалась где-то.

– Хорошо.

Проклятому испанцу должно понравиться. Иначе зачем все это? Зачем столько операций, столько боли, столько сил и времени.

– Хотите прогуляться?

Так и не поворачиваясь ко мне, как будто смущен, а я продолжаю себя рассматривать. Потом подняла халат, набросила на плечи.

– Вы привезли мою собаку?

– Да… она здесь, но в здание больницы я ее впустить не могу. Она живет возле сторожки. Ее хорошо кормят.

– Тогда идемте погуляем.

– Вы так и не сказали, понравилось ли вам ваше новое лицо и… ваше тело?

Усмехнулась уголком рта. Чужого рта. Пухлого, очень сочного, большого. Очень странно, что я говорю, а он двигается.

– Пока не знаю, нравится ли оно мне, но женщина в зеркале очень красивая. Пока что я не считаю ее собой. – потом повернулась к нему и тихо добавила. – Спасибо. Вы великий человек и художник.

Я и понятия тогда не имела, что хозяин клиники никогда не проводил столько времени со своими пациентами. Их у него были сотни… и я всего лишь одна из них. А на моем месте мечтали оказаться многие.

Вышла на улицу, вдохнула воздух всей грудью. Немного страшно – узнает ли меня с таким лицом Гроза? Не покажусь ли я ей страшной и чужой?

Приближалась к сторожке, всматриваясь в лежащую там исхудавшую собаку. Она приподняла морду, пошевелила ушами, а я остановилась. Потом не выдержала и громко крикнула:

– Гроза!

Она вскинулась, взвизгнула и ко мне сломя голову, так, что уши ветром назад уносит, язык на бок, и бежит. Моя девочка. Моя преданная малышка. Сколько ждала меня.

– Грозушка моя хорошая, моя девочка. Узнала.

Лицо облизывает, руки целует, скулит, прыгает. И я сама плачу, обнимаю ее, целую в нос.

– Еще немного, и я выйду отсюда. Выйду и заберу тебя с собой. Ты больше не будешь жить на улице.

Говорят, люди создают себя сами. Они – то, чем хотят и могут быть. Я еще никогда не была настолько согласна с этим, как сейчас. Но у меня нет средств, чтобы себя создавать. Я осталась ни с чем, и как только выйду из клиники, мы вместе с Грозой окажемся на улице.

К выписке я не готовилась. Я просто думала, что делать дальше. Куда идти. Ни документов… ничего абсолютно. Чистый лист.

– Куда поедете? – вкрадчиво спросил Владимир, записывая что-то в моей карте. Его аккуратные, длинные, холеные пальцы сжимали шариковую ручку очень изящно. Настоящие руки хирурга. Стерильно чистые с аккуратно постриженными ногтями. Я помнила руки Альвареса со сбитыми костяшками, со вздутыми венами. Сильные, мощные, подвижные. Я так отчетливо представила их себе, что невольно вздрогнула и тряхнула головой.

– Не знаю. Пойду устраиваться на работу.

– Куда? – поднял на меня взгляд, и я ощутила то, что обычно ощущают женщины, когда точно знают, что нравятся мужчинам. Мне это не доставило ни удовольствия, ни отвращения. Полное ничто. Отсутствие любых мыслей. Как будто внутри меня умерла женщина. Атрофировалась. Ее выжгли вместе с моим лицом.

– Горничной, – я усмехнулась и села напротив него на стул, – я не так много умею.

– Горничной? С такой внешностью? Вы можете блистать на подиумах и украшать обложки журналов.

– Ну да. Меня там ждут с распростертыми объятиями.

– А если бы вас там ждали? Вы бы пошли?

Внимательно на меня смотрит, а я на него, пока не понимая, что это все означает.

– Я работаю с крупными модельными агентствами, как в столице, так и за рубежом. Ко мне обращаются известные личности. Ваше лицо идеально, ваши волосы, тело, кожа – вы само совершенство. В вас нет изъяна, недостатка. Каждый фотограф может вылепить любой образ… Я вложил в вас все свое вдохновение, весь нажитый мною опыт. Вылепил вас по эскизам. Просчитал каждую черточку. Вы даже не представляете, насколько идеальны и прекрасны…

Наверное, другая на моем месте испытала бы волну дикого восторга, но не я. У меня отобрали меня. Это не я идеальна и совершенна. Это кто-то другой, сшитый из кусков, отполированный, ненастоящий. Кукла. Изготовленная по супер молду. Точно не я. Но… разве для моей цели мне не нужны деньги? Много денег. Связи, возможности. И, пожалуй, это единственный шанс, заработать эти деньги. Но… Ведь во всем есть пресловутое «но».

– Владимир… я вам безмерно благодарна за все, что вы для меня делаете. Очень благодарна. Но я знаю, что за все в этой жизни нужно платить. Ничего не бывает просто так. А я не готова платить… понимаете? Я не хочу никому и ни за что быть обязанной. Лучше горничной. В две смены. Зато честно и своими силами.

Положил ручку, снял очки и посмотрел мне в лицо, в глаза. Загадочный человек. Я его совершенно не понимала. Но в его взгляде был азарт, интерес, любопытство.

– Понимаю. Никто не попросит у вас плату.

– Иногда так говорят…

– Я никогда ничего не говорю просто так. Мне не нужна оплата. Деньги у меня есть, слава есть… есть все, что можно пожелать.

– Тогда зачем вам это все?

– Мне так хочется. Очень хочется вам помочь.

– Всего лишь?

– Нет… не всего лишь. Зачем притворяться. Не люблю ложь. Вы мне нравитесь. Нравится то, что я создал. Как садовник, который выращивал диковинные, необычайные цветы и вдруг узнал, что кто-то может их истоптать, или они завянут. Ведь диковинным цветам нужен особый уход и условия.

– И вы хотите предоставить свою оранжерею… – усмехнулась своими-чужим губами. Поправляя волну волос. Мягкие, шелковистые. Пахнут дорогим шампунем.

– Именно. Я хочу дать достойную огранку своей самой уникальной работе. Я не женат. У меня нет детей. Нет родственников. Я живу один в огромном доме. Приглашаю вас пожить у меня… Разумеется с вашей собакой, и я позабочусь о том, чтобы эту красоту увидели другие.

– Оценили вашу работу?

– Именно так. Оценили мою работу. Скажем так – я хочу потешить себя. Тщеславие, знаете ли.

Его предложение было заманчивым, оно решало все мои проблемы одним махом. Но соглашаться было страшно. Я уже согласилась на несколько сделок в своей жизни… и это были самые страшные, самые жуткие сделки, которые стоили мне всего… которые стоили мне моей жизни, ребенка, счастья.

– Владимир, – я подалась вперед, – я не восторженная девочка, которая мечтает о съемках, я не ищу папика для содержания, понимаете? Я ничего не дам вам взамен. Я не стану с вами спать, ублажать вас и расплачиваться за вашу щедрость тем или иным способом. Это неверные ставки и ожидания.

Он тоже подался вперед.

– Если я захочу женщину, у меня будет любая, на любой вкус. А я разве просил вас об этом? Ставил условия? Давайте будем считать это спортивным интересом. Мне от вас ничего не нужно. Уйдете, когда захотите. Скажем так – вы разрекламируете новый уровень моего мастерства.

На улице залаяла Гроза. Я так отчетливо различала ее лай, даже когда сторожевые псы вторили ей.

– Хорошо. У меня нет вариантов… мне некуда идти, и какое бы жилье я сейчас не нашла, вряд ли кто-то возьмет мою собаку. Я согласна.

– Из-за какой-то собаки? – он засмеялся. – Вы соглашаетесь на мое предложение ради… вашей собаки?

– Да… это не какая-то собака. Это мой друг. Единственный. Преданный и самый любимый.

***

Я переехала в дом Владимира. И он сдержал свое слово. Ни разу ничем, ни единым намеком он не потребовал какой-либо платы за то, что я жила в его доме, за то, что сделал из меня звезду. Не побоюсь этого слова. Всего лишь год, и мое лицо украшало журналы, мелькало в рекламе, светилось на баннерах известных косметических фирм.

«Идеальная красота, невероятные черты, как будто нарисованные. Говорят, здесь потрудилась рука самого Артемова».

Съемки приносили мне необыкновенный доход. Я никогда в жизни не зарабатывала такие деньги, и когда видела свой гонорар, у меня сыпались искры из глаз. Дорогие вещи, косметика, духи. Спа-салоны, визажисты, массажисты. Маленькая, изуродованная Танечка внутри меня забилась в угол и тревожно наблюдала за всей этой роскошью. И ни одна покупка не доставляла ей удовольствия. Она боялась, что деньги закончатся.

Но это было лишь начало. Все свое свободное время я посвятила саморазвитию. Я ходила на хореографию, я занималась борьбой, аэробикой, шейпингом, гимнастикой и йогой. Я учила сразу два языка. Я занималась музыкой и изучала детскую психологию. По вечерам и по утрам я бегала вместе с Грозой по парку и думала о том, насколько мое тело станет еще более совершенным. Это оружие,

которым я собираюсь воспользоваться.

Я не слушала музыку. Нет. Она была мне не нужна. Я слушала голос Альвареса. Слушала, как он говорит:

«Для меня карьера футболиста – самое главное в моей жизни. Это спорт, которым я дышу, живу, и это единственное, что я по-настоящему умею делать. Отберите у меня спорт, и вы лишите меня жизни, отберите у меня возможность тренироваться, и я перестану быть человеком. Я хочу быть примером для подражания для своего сына. Я хочу, чтоб он вырос и заменил меня на футбольном поле. Игра и мой сын – это единственное, ради чего я живу».

Ничего… я отниму у тебя все… отниму постепенно, по кусочку, по молекуле, но каждая твоя потеря будет больше и страшнее предыдущей. Отниму у тебя и у той бесчувственной суки, с которой вы меня убивали. Это не твой сын – это мой сын. Мой мальчик, которого ты у меня отнял. И я верну его себе любой ценой.

Глава 5

Говорят, люди возвращаются туда, где им было хорошо, или туда, где их любили. Возвращаются через годы, через время, через боль и слезы. Но мне домой не хотелось. У меня даже не было ощущения, что где-то есть мой дом.

И не осталось больше иллюзий, я прозрела настолько, что теперь не понимала, почему так долго смотрела на свою жизнь сквозь какие-то радужные очки. На Диму, на семейное счастье… на эфемерных, обещанных от него детей. Я, как тот граф Монте-Кристо, который вдруг понял, что предателями были самые близкие ему люди. У меня было предостаточно времени думать и анализировать, осознавая, какой идиоткой я была и как меня использовали. А когда меня не стало… никто особо не заметил.

Васильева Татьяна считалась пропавшей без вести. Ее искали больше года, но так и не нашли.

Мне было интересно, я, как тот маньяк, нагло заходила в отделение полиции и, представившись старинной подругой Татьяны, узнавала о том, как продвигаются поиски. Немолодой следователь, замороченный, вечно отвечающий на звонки, дерганый, похожий на сумасшедшую марионетку. На мои вопросы отвечал не просто неохотно, а «на отвали».

– Васильева? Нет. Не нашли. Да и что ее искать, она ж с любовником укатила. Так ее муж говорит. Год, считай, искали… свояченица никак успокоиться не хотела. Все писала заявления о пропаже, на уши всех ставила. А муж сразу сказал – бросила, загуляла. И раньше ему изменяла. Живет себе, наверное, припеваючи с каким-то хахалем, а нам время теряй на поиски. У нас знаете сколько детей по статистике в месяц пропадает?

– Я понимаю… То есть вы и мысли не допускали, что женщину могли похитить, причинить вред?

– Какую? Васильеву эту? Скажете тоже.

Следователь пожал плечами.

– Что-то еще? У меня дел полно.

– Да, нет. Спасибо. Занимайтесь вашими делами.

Ничего… мой список пополнится на одно имя. Он безразмерный. Места всем хватит.

***

Когда подъехала на машине к своему дому, долго сидела внизу, грела руки, слушала музыку. Подняться наверх означало встретиться с самой собой, со своим прошлым, слабостями и страхами. Но я это сделала. Васильеву надо похоронить, этой бесхребетной идиотки больше не существует. Но вначале надо ее больно, наживую расчленить. Да так, чтоб не просто очков розовых не осталось, а чтоб от разбитых стекол глаза кровили.

Я поднялась по лестнице и нажала кнопку звонка. Раздалась мерзкая соловьиная трель. Я всегда ее терпеть не могла, и Дима поставил в свое время другой звук… А сейчас вернул свою любимую трель…

Дверь открыли не сразу. Я ожидала, что это будет мой муж, внутренне подобралась, приготовилась изменить голос, приготовилась, что меня могут узнать, но мне открыла Лена. Сонная, в халатике, с распущенными светлыми волосами. Посмотрела на меня, потом обернулась куда-то в сторону комнаты.

– Димаааа, тут, наверное, к тебе насчет квартиры пришли.

– Кто?

– Какая-то девушка. – повернулась ко мне. – Вы ж насчет квартиры?

Лена…. Это было неожиданно. Даже больно. Как будто мне вдруг двинули изо всех сил в солнечное сплетение. Моя подруга. Не то что бы лучшая, но мы дружили и какое-то время вместе жили и работали. Наши отцы дружили. И отец Лены был начальником моего папы. Лена приходила к нам на дни рождения, мило и скромно улыбалась, и всегда искренне восхищалась нашей с Димой парой.

– Пусть на кухню идет. Я сейчас выйду.

В квартире сделали ремонт, многое переставили в разные места. Как будто пытались вычленить любое напоминание обо мне. Я села на стул и помешивала маленькой ложкой сахар в чае. Таня пила чай без сахара…

Лена суетилась, предлагала печенье, вела себя по-хозяйски. У меня возникло едкое желание схватить ее за волосы и вытолкать к чертовой матери из своей квартиры.

– Да, мы с Димочкой продаем квартиру и переезжаем в столицу. Мой папа подарил нам дом. А это… он покупал своей бывшей жене. Она его бросила и удрала с любовником. Твари всякие на свете бывают… Димочка сейчас изо всех сил пытается получить развод без ее явки в суд.

Вылить ей в лицо кипяток оказалось настолько непреодолимым желанием, что я стиснула чашку изо всех сил.

– Бросила? Какой ужас.

– Да, бросила Димочку. Он ее так любил… Дрянь. И квартиру заложила в банке. Долгов оставила. Мой папа помог нам выбраться из долговой ямы и хочет, чтоб мы переехали в столицу.

Лена говорила обо мне, как о чужом человеке, даже больше, как о последней дряни и стерве. Неожиданно… А когда-то так мило улыбалась. Сука. Если б не понимала, что Дима ее окрутил и пользуется ею, как в свое время попользовался мной, я бы добавила ее в свой список наравне с ним.

Дима за это время располнел еще больше, отпустил хвостик и легкую светлую небритость. Выглядел при этом как Пресняков младший не в самые лучшие свои времена. На меня посмотрел откровенным взглядом, даже похотливым.

– Да, моя сука бывшая свалила. То ли с хахалем, то ли так… Все деньги прихватила и тю-тю. В одних трусах меня оставила.

– Да, обокрала моего лучика. Ну он сильно не переживал, у него уже я была почти полгода, да мой пупсик?

– Дааа, моя маленькая. В квартире сделан капитальный ремонт. Отдаем за бесценок.

Они сюсюкались, а меня тошнило. Еще несколько минут в одном помещении, и я превращусь в неадекватного психа-маньяка.

Я оставила им несуществующий номер телефона и выскочила на улицу. Долго не могла надышаться свежим воздухом. Меня тошнило и скручивало пополам от всего, что обо мне говорил мой муж, и от понимания, что Леночка с ним уже давно.

Потом я поехала к Ане. Долго смотрела со стороны на детской площадке, как она играет с Гошей, как весело смеется, обнимает малыша. А ведь все

счастливы… жизнь продолжается. Ничто не стоит на месте. Это так странно – смотреть как бы с обочины и понимать, что туда обратно уже никогда не попасть. Да там и не ждут. И сейчас это, как возможность вернуться с того света и подглядывать. Внутри так тоскливо, ведь на самом деле о тебе уже давно забыли. Забыли даже те, кто поначалу горевали.

Анечка, милая Анечка, только ты меня и искала. Молодая женщина поправила капюшон старой куртки и вытерла платком лицо малышу.

Потом ей кто-то позвонил, и она отошла к горке. Мне был хорошо слышен ее голос.

– Да, Саш… но ты же обещал! Гоша и так переживает тяжело наш разрыв. Нет, я не понимаю! Не понимаю, когда отец берет свою новую семью, приемных детей и валит в Египет, а у родного сына зимней куртки нет! Он мерзнет, Саш! А я в декрете! Ты три месяца не давал на него денег, мне в понедельник за квартиру платить! Саша! Саш! Алло! Сволочь!

Ко мне подкатился мяч Гоши, и я отдала его мальчику. Он бросил мне его снова, и я снова вернула, на третий раз мяч ударил мою сумку, и она свалилась со скамейки. Подбежала Аня.

– Простите, он нечаянно в вашу сумочку попал.

– Ничего страшного. Какой сладкий карапуз. Сколько ему? Годика два, да?

– Да, два с половиной. Он обычно с незнакомыми людьми не играет. Простите еще раз. Гоша, я сколько раз говорила, мяч в сторону людей не бросать!

– Не ругай…те его. Он же маленький. Просто игрался.

Она какое-то время пристально на меня смотрела, потом тряхнула головой и взяла Гошу за ручку. Несколько раз обернулась. Узнала? Вряд ли. Я бы сама себя никогда не узнала. Но может быть, это реакция на голос или… интуиция. Я незаметно положила на скамейку кошелек и отошла подальше. Видела, как Аня мечется по детской площадке, ищет меня глазами, бегает с кошельком. Только бы не решила в участок отнести. Она может. Давай, Аня. Хотя бы раз поступи

правильно… так, как надо. Без сопливой честности, какая была у нас обеих.

Молодая женщина открыла кошелек, снова закрыла. Осмотрелась по сторонам. Вытащила деньги, а пустой кошелек выбросила. Умница. Правильно. Иди плати за квартиру и купи что-то Гоше.

Вот теперь можно уезжать. Я готова. Возврата в прошлое быть уже не может. Да и нет этого прошлого. Умерла Таня.

Зазвонил мой сотовый.

– Здравствуйте, я из агентства. Вы оставляли у нас на сайте свое резюме. Насчет няни.

Я остановилась и замерла.

– Да, оставляла.

Наша первая встреча с Альваресом состоялась не у него дома. А задолго до этого. За целый год. Но он, конечно, не запомнил. Куда ему. С таким количеством женщин в его жизни. Мы все на одно лицо. Ничего… я ему напомню о себе. Ведь я прекрасно запомнила, что они оба мне сделали. И он, и его жена. Нет, я не списывала ему со счетов, что он не знал о нашей сделке. Это не имело никакого значения. Этот человек хотел меня изнасиловать, а потом использовал меня снова и снова, как туалетную бумагу. Мерзко, унизительно. Использовал так, что я после него не подпускала к себе мужчин… а когда подпустила, слово оргазм показалось мне кем-то придуманным чудом.

Это был адский соблазн, невероятный по своей силе. Соблазн, который потом мог стоить мне всех моих планов и замыслов, но я не могла устоять. Мне хотелось его увидеть. До дрожи, до трясучки, до какого-то невероятного ошизения. Именно так собираются на свидание к дьяволу, когда точно знают, что оно может стать последним. Я долго накладывала макияж, он был мне нужен для того, чтобы потом без него Арманд меня не узнал. Искусству перевоплощения я училась у профессионального гримера. Часами меняла образ, стиль, манеру разговаривать и даже интонации голоса.

Сейчас я была в образе яркой и ядовитой женщины. На встречу шла не одна. Вова сопровождал меня. Точнее, это его пригласили… а меня уже в качестве девушки великого и талантливого пластического хирурга. Я не рассказывала ему о своих целях, о том, кто я.

На данном этапе я его использовала. А он позволял мне это делать. Наши отношения походили на дружбу по договоренности. И я не совсем понимала цели этой дружбы, не понимала, зачем все это нужно такому человеку, как он. С такими возможностями, деньгами, перспективами. Я была настолько поглощена своей местью, своим горем и маниакальным желанием вернуть своего сына, что не видела ничего и никого вокруг. Я перла, как танк, к цели. Готовая на все, лишь бы забрать моего мальчика. Даже на убийство. Я ни разу не держала его на руках… но любила его так, как никого и никогда в своей жизни.

И стоя перед зеркалом, глядя на сногсшибательную пепельную блондинку с томным взглядом, алыми губами, в невероятно сексуальном черном платье, я понимала, что у маленькой, скромной Танечки никогда бы не получилось достичь того, что достигла Виолетта Лебединская. Самая востребованная модель своего времени. С выдуманной автобиографией, купленными документами и новой жизнью. И эта женщина шла с гордо поднятой головой, поддерживая под локоть одного из самых успешных и богатых людей. От нее пахло дорогими духами, на ней эксклюзивные вещи и драгоценности, и ее лицо украшает плакаты, обложки журналов и рекламные ролики.

Я всегда видела себя со стороны. Будто Танечка смотрит фильм со мной новой в главной роли. Одинокая, поникшая, с заплаканным лицом она повторяет мне, зачем я стала такой, и чтобы никогда больше не напоминала эту самую Танечку.

Я ужасно нервничала. Впервые мне было страшно выйти в свет. Я боялась Альвареса. Боялась его карих глаз, боялась, что он меня узнает, боялась, что рядом с ним я снова стану маленькой и жалкой. Чтобы не вытащил наружу мои слабости и страхи… а самое главное – не заставил снова желать его вопреки всякому здравому смыслу. Я боялась его взгляда, которым он мог уничтожить, поставить на колени, заставить трястись от вожделения и предвкушения вместе с ненавистью к себе самой.

Он был не один… С Каролиной, при виде которой к моему горлу подступила тошнота, и я впилась в руку Владимира изо всех сил.

– Что такое?

– Ничего. Здесь много людей. Я не ожидала, что будет так душно.

– Не больше, чем обычно, моя королева.

«Моя королева». Так он называл меня после того, как я снялась в рекламе золотых украшений «Королева Виктория».

– Они меня нервируют.

– Кто? Футболисты?

– Все.

– Или кто-то один? – пытливо посмотрел на меня и тут же усмехнулся, – я не стану настаивать на правдивых ответах. Мне все равно. Просто не хочу, чтоб ты нервничала, морщила свой идеальный лоб, над которым я так долго работал.

– Ты ужасно корыстный человек, Вова.

– Ты права. Я ужасный человек.

Мы направлялись прямо к ним, так как организатором вечеринки был сам Альварес. Он спонсировал клинику, в которую приехал на консилиум Владимир. Это было открытие нового филиала, где мой благодетель должен был обучать врачей своему мастерству.

Каролина, едва увидела Владимира, тут же бросилась к нему навстречу, расплываясь в улыбке. Сука. Меня всю пронизало током, когда она начала приближаться, прошибло потом, и задрожали от напряжения руки. Перед глазами замелькали картины, где она замахивается и бьет меня по лицу. ЕЕ голос верезжит у меня в голове «вырежьте из нее ребенка, а она пусть сдохнет…сдохнет…сдохнет».

И эта тварь сейчас каждый день проводит с моим сыном. С моим мальчиком, которого у меня отобрала.

Я никогда раньше не видела их вместе… только тот единственный раз, когда они ссорились. Тот раз, о котором все благополучно забыли, и сейчас Альварес придерживал свою жену за талию и даже что-то шептал ей на ухо. От чего ее фарфоровые щеки покрывались румянцем. Нежная кукла-убийца, порезавшая мне лицо с хладнокровием мясника.

– Вова, можно я так буду вас называть?

– Конечно.

– Представьте нам вашу девушку? Кто это?

– Моя королева, – и усмехнулся.

– Ладно, – смерила меня завистливым взглядом, совсем не так, как Танечку в свое время, – расскажите о новых способах пластики груди.

А я бросаю взгляд на Альвареса, и сердце обрывается от глухих и быстрых ударов. Я же забыла его, я же больше ничего не чувствую. Мое тело и душа умерли. Они были вырезаны из меня вместе с моим малышом. Я переоценила свои возможности. Мне стало душно, у меня все заплясало перед глазами, и от боли свело даже кости. Извинилась, пошла на балкон. Осенняя прохлада оросила лицо каплями мелкого дождя, и дышать стало легче.

Зачем он стал еще красивее, чем был? Почему за это время не изменился? Какого черта у него все так же дьявольски блестят глаза, так же лоснятся иссиня-черные волосы, и смуглая кожа сводит с ума этим южным горячим оттенком. И эта белоснежная улыбка. Самоуверенная, наглая. Улыбка, от которой сводит низ живота.

И мне кажется, что он сейчас хрипло скомандует «на колени», и я, как натасканная собачонка, покорно исполню любой приказ… и самое мерзкое – скулы свело от желания исполнить. Вот за что я его ненавидела. За то, что сделал из меня тряпку, стер, как личность. Он и его жена превратили меня в бесхребетное, продажное существо.

Я подождала, пока Владимир окончит с ними говорить, и только тогда подошла к нему и позволила отвести себя за столик.

– И что было от тебя нужно мисс Вселенной?

– Подтянуть тут, подтянуть там. Ее мужу не нравятся ее соски и ее нижние губы, она хотела бы заузить вход во влагалище.

– Вова!

– Что? Это естественные желания моих пациенток. Я ведь занимаюсь пластикой всех женских частей тела. Сказала, что хочет стать маленькой везде для своего мужа.

Я выронила вилку и судорожно глотнула воздух. Не хочу думать о том, что Он с ней спит, о том, что трахает ее… трахает тварь, которая меня изуродовала. Или они задумали это вместе?

Ни ревность, ни остатки страсти к испанцу мне не понравились. Я разнервничалась. И это означало, что я еще не готова встретиться с ним. Не готова хладнокровно прийти на работу и выдержать их присутствие.

– Моя жена изъявила желание пересесть к вам.

Проклятый, ненавистный голос, от которого все тело покрылось мурашками.

– Вы не против?

И посмотрел на меня, прямо мне в глаза, немного нахмурив резко очерченные черные брови.

– У вас…необыкновенные глаза. Это линзы?

Глава 6

– А что не так с моими глазами?

– Они слишком синие.

И не могу удержаться, чтобы не рассматривать его. Не могу контролировать сильное биение сердца и кровь, несущуюся по венам. Как плохо я себя знаю. Оказывается, стоило его увидеть так близко, стоило подойти вплотную, и меня начало выворачивать, выкручивать, трясти от его близости. Красивый. Подлый мерзавец стал еще красивее за это время. Возмужал, заматерел, повзрослел. И эта распахнутая на груди рубашка с витиеватой цепочкой, отливающей бликами на смуглой коже, гладко выбритые скулы, запах дорогого парфюма. Взгляд упал на его губы, и у меня пересохло в горле. К черту ублюдка. Он со всеми так. На всех так действует.

– С такими родилась.

– Я только один раз такие видел.

– Поздравляю – это ваш второй.

Ему явно не понравился мой тон, и наглый блеск в глазах сменился злостью. Как бы ему сейчас хотелось вытащить меня в коридор или в туалет и трахнуть, как он привык это делать с другими женщинами. Беспардонно вставлять в них свой член и самоуверенно наслаждаться своим триумфом. Проклятый кобель за эти годы перетрахал каждую юбку, которая к нему приближалась, невзирая на возраст. У него даже был роман с шестидесятилетней владелицей картинных галерей во Франции. Прикупил себе там несколько картин, украшал свой дом, свое гнездо дьявола с ворованным счастьем, которое украл у меня.

– Не помешаю? – Владимир вернулся с бокалом белого вина для меня и галантно мне его подал. Как вовремя. Как же вовремя. Мне была нужна эта передышка.

– Спасибо, любимый, – ласково улыбнулась, встретила взгляд Владимира, полный недоумения.

– Пожалуйста, моя королева.

Подыграл мне и выразительно улыбнулся. Я расслабилась. Рядом с этим человеком я чувствовала себя уверенно, знала, что он сможет меня защитить от этого подонка. Альварес потянул носом с каким-то злым презрением. Ему явно не нравился Володя, а вот я нравилась. Это было видно. За эти годы я научилась распознавать похоть в мужских глазах, вожделение, голод. Меня учили их вызывать, учили смотреть в камеру, принимать различные позы, которые должны свести мужчину с ума. Но с Альваресом пока что рано играть в такие игры. И у меня совсем иная цель. Мне мало, чтобы он захотел меня трахать, мне мало, чтобы он захотел меня сделать своей любовницей, я хочу заставить его меня любить…. я хочу отобрать у него душу, так, как он отобрал у меня мою, разорвать ее в клочья и пройтись по ней каблуками, втаптывая в грязь.

И я много сделала и еще сделаю для этого. И у меня еще есть время изучать его дальше. Изучать настолько хорошо, чтобы у него не осталось ни единого шанса. Но сейчас я еще не готова. Я все еще трепещу от его взгляда, я все еще дрожу от звука его голоса, представляю его руки на моем теле, а губы на моих губах, и понимаю, что хочу его сама. А значит, еще нужно себя воспитывать, выжигать в себе эту страсть, вытравливать до хладнокровия.

– А о чем вы здесь так мило беседуете?

Каролина уселась напротив меня рядом с Армандом и кокетливо улыбнулась Владимиру. Интересно, своему гинекологу она тоже так улыбается? Да, я знала, что ее гинеколог мужчина, а также знала, сколько абортов она сделала до того, как украла у меня сына. Один на сроке шестнадцать недель. После этого у нее никогда не могло быть детей.

Я с трудом сдерживала себя, чтобы смотреть на нее без злости, без желания выцарапать глаза или выдрать ей волосы. Еще не время. Потом, позже я причиню ей такую же боль, как она причинила мне.

– Ваша эм..ииии…эммм, – нарочно застопорилась, чтобы унизить и показать, что не знает о том, кто я для Владимира.

– Моя невеста. Виолетта – моя невеста и будущая жена, а еще она моя королева.

Если бы я могла, я бы сейчас расцеловала Владимира в обе щеки и, запищав, повисла у него на шее.

– О как. Неужели в женщинах осталась что-то, что еще может вас привлекать и быть для вас неизведанной тайной?

– Что есть тело? Тело – это глина, пластилин, если угодно. Оно ломается, сохнет, стареет и так далее. Кто любит только тело, тот непостоянен. Заведомо ветренен и несерьезен. И даже глуп. Так как и собственное тело придет в убогость. Любят душу, любят то, что скрывается под глиной. А там, – он посмотрел мне в глаза, – там столько тайн, что жизни не хватит их отгадать.

– Да вы поэт.

Альварес оторвался от сотового и посмотрел на Владимира с косой усмешкой.

– Эта женщина из меня делает многорукого и многоликого. Для нее я кто угодно.

– Завидую… после родов всегда будет рука, которая вылепит совершенство. Жаль… у меня такой возможности не было, и я подурнела, потолстела.

Она деланно надула губы, а я стиснула вилку пальцами. Только не в эту тему.

– У вас есть дети? – спросил Владимир. – Если б вы не сказали, то, глядя на вас, я бы предположил, что вы никогда не рожали.

– Вы льстец. – на её лице не дрогнул даже мускул. – Милый, покажи им фото Матео. Покажи им нашего чудесного мальчика.

Альварес тут же изменился в лице. Это произошло в считанные мгновения, он тут же что-то наклацал в сотовом, и его глаза заблестели, загорелись, брови приподнялись. Как будто он увидел чудо и искренне ему восхитился. На какие-то мгновения я узнала в нем Арманда, которого видела всего лишь несколько раз. Каролина отняла у него смартфон.

– Вот наш Мати. Он прекрасен. Он красив, как ангел.

Протянула телефон мне, и я невольно выдрала его из ее рук, жадно вглядываясь в личико малыша, чувствуя, как меня тошнит, как дико бьется мое сердце и как першит в глазах. Это не ее… не ее мальчик. Он мой. Он похож на меня. Я его носила. Я его хотела. Он – моя жизнь.

– Полистайте. Там он со мной, с папой, с бабулей. Невероятный малыш.

Я переворачивала пальцем фотографии и смотрела на ребенка, не могла им надышаться, нажраться, налюбоваться.

– Дыши медленней. Вдыхай носом и выдыхай носом.

Голос Владимира заставил взять себя в руки и быстро протянуть сотовый Каролине.

– Да, – сказать «ваш сын» я не смогла, – ребенок очень красивый. Простите.

Встала из-за стола и быстрым шагом пошла в туалет. Мне нужно было остаться наедине с собой. Нужно было успокоиться, заставить себя дышать ровнее. Распахнула дверь уборной для людей с ограниченными возможностями и закрылась там на ключ.

Тут же прислонилась к двери, тяжело дыша.

– А это он с бабулей.

И морда садистки, фашистки, которая тянет свои грабли к моему сыну. Обе психопатки, способные на что угодно. Я не верила, что она может любить моего мальчика. Хвастать – да, но не любить. Такие на любовь не способны.

В дверь тихо постучали.

– Открой. Это я.

Голос Владимира заставил собраться, вытереть слезы. Я повернула ключ в замке и впустила его. Он прикрыл за собой дверь и протянул мне свой платок.

– Так вот зачем испанский, танцы, хореография.

– Я не знаю, о чем ты.

Отвернулась к зеркалу и принялась подводить губы.

– Знаешь. И я тебя знаю. По лицу вижу. По глазам. Будешь так нервничать, и другие узнают.

– Уйди. Я сейчас не готова обсуждать свое прошлое.

Усмехнулся и наклонился над раковиной, вымыл руки. Потом повернулся ко мне.

– А я и не собираюсь ничего спрашивать. Выходи за меня замуж.

– Что?

Я не поверила, что слышу это от него.

– Конечно не самое романтичное место для предложения руки и сердца, но я не романтик, ты тоже давно без иллюзий. Так что вот. Как есть.

Это было неожиданно. Это было, как удар под дых, как какой-то ледяной душ.

– Я не…не могу. Я не готова, и мне нечего тебе дать и…

Мягкая улыбка заставила меня замолчать.

– Я ничего и не хочу просить. Ты нужна мне, а я тебе. Почему бы и нет?

Сегодня у меня свидание. Самое главное, самое сумасшедшее свидание в моей жизни. С единственным и самым важным мужчиной, с мужчиной, о котором я мечтала с самого рождения, которого полюбила, едва лишь узнала о его существовании, мужчиной, чье сердцебиение долгое время вторило моему. С моим сыночком. С моей вечной любовью.

Как же долго я ждала этого дня. Как мечтала о нем, как грезила и представляла себе этот момент… эту встречу, эту секунду, когда смогу посмотреть в глаза, прикоснуться. Мальчик мой… как же жизнь невыносима была вдали от тебя, и сама мысль о том, что ты не со мной и чужие руки трогают тебя… и что никто и никогда не будет любить так, как я люблю.

Шла туда на свой страх и риск. Мне отказали в агентствах. Альваресы не работают с кем попало, у них только одно проверенное место для всей обслуги, а там… Там меня не приняли. Их смутил мой испанский с акцентом, возраст, оказывается Альваресы ставили особые условия для своего персонала. Няни должны быть испанками старше тридцати, замужними, имеющими детей и с опытом работы. Иметь рекомендации, и как бонус подошел бы диплом психолога. Все это я не учла… да и как могла учесть. Я понятия не имела, что у них будут такие странные условия.

– Почему старше тридцати? – пожала плечами.

Работница агентства усмехнулась:

– Ну как почему? Чтоб хозяин не заглядывался. Условия все выдвигала его супруга. Мы запишем ваши данные, и как только у нас появится подходящая вакансия, мы вам позвоним.

Я вернулась к секретарю разочарованная и расстроенная, забрать свои документы, и услышала, как одна из женщин говорит по сотовому.

– Что Агнес?! Я уже почти тридцать лет Агнес! Да, я уволилась. Ищу новую семью. Не могу, Хуанита, не могуууу. Это не семья, это кодло демонов. Что жена, что этот Альварес… и мальчишка. С ним что-то не так! Ни секунды не сидит спокойно. Орет, как резаный, дерется, тянет за волосы, кусает до мяса. Они не признают, что он психопат, а я так не могу больше. Я вся в синяках, мне по ночам снится этот дьявол мелкий. Хочется его шваркнуть башкой о стену… гаденыш. Я его один раз ущипнула в ответ… а хотела ударить.

Когда она это сказала, я нарочно толкнула ее локтем, проходя мимо, и она чуть не свалилась с лестницы, ее сотовый укатился вниз по ступенькам. Я с наслаждением на него наступила, услышала, как хрустнул экран, и с трудом

заставила себя не сделать то же самое с ее носом. Я больше не Танечка. Я могу дать отпор, я могу избить и сломать парочку костей. Только когда научилась это делать, начала спать спокойно. Иначе не могла, мне казалось, что я в подвале, и с утра меня придут бить или мучать. Иногда у меня чесались и болели фантомные шрамы на лице, иногда из меня опять наживую вырезали моего сына.

– Тыыы! Ах ты сука! Ты…ты что сделала! Карамбааа! Я тебя… тыыы!

Пока она подыскивала слова, я села в свою машину… да, я еще ездила на «ауди» последней модели, и под ее удивленный взгляд и вытянувшееся лицо – укатила.

Для работы мне пришлось перекрасить волосы в тускло-сероватый цвет. Но особо ничего не выходило, и темный каштан выбивался из-под серого слоя. Тогда я перекрасилась в черный цвет, изменила форму бровей, сняла накладные ресницы, выделила контуры лица с помощью румян и тонального крема. Старательно отдаляясь от того образа, в котором Альваресы видели меня на том банкете. Узнать ту фотомодель и светскую львицу во мне, замухрышке, без макияжа, в безвкусной одежде, скрывающей все контуры тела, было совершенно невозможно.

Надела большие очки в пол-лица, которые придавали мне вид «заучки». Оказывается, люди в очках внушают доверие. Мое коричневое платье до колен и туфли без каблука довершали образ серой мыши. Если там будет Каролина, то вряд ли приревнует к такой невзрачности, как я.

Я буду меняться, но постепенно и только для него. У меня была целая стратегия по соблазнению, я продумывала ее несколько лет. Множество вариантов, приманок, ловушек. На одну из них Альварес непременно клюнет.

Я хочу разрушить их жизнь, хочу, чтобы он стал никем и остался без копейки. Я хочу, чтобы он вернул мне моего сына, а сам… да плевать, что будет с ним самим. С ним, с его сукой женой, с ее матерью. Если все они сдохнут, я буду счастлива.

Одевшись, причесавшись, несколько раз выдохнув, я пошла на кухню своей комнатушки в хостеле, пить кофе. Да, я создавала себе образ, и мой образ жил в хостеле, ездил на общественном транспорте, ел дешевые полуфабрикаты и

читал классику, молился по вечерам и кормил бездомных кошек возле дома престарелых.

Нина Йованович. Мое новое имя. Я репатриантка из Хорватии. Приехала сюда работать. Нелегально. На данный момент имею вид на жительство, учу испанский, посещаю церковь, пою псалмы. Мне двадцать пять лет. Я не замужем. Мои родители живут под Риекой, у них своя маленькая ферма. Легенду придумывала я сама и даже нашла реально существующую семью. Более того, я выучила хорватский. Не идеально, но все же.

Достала местную газету, которую уже затерла до дыр, перечитывая снова и снова интервью Альвареса с прессой по поводу его карьеры и условий для возвращения в сборную.

– Никаких скандалов, так, сеньор Альварес?

– Так.

– А что с супружеской верностью? Я слышала, что…

– Хватит копаться в грязном белье. Нет никакой супружеской неверности. Я люблю свою жену, люблю своего сына, и на этом точка.

– Я понимаю…. Но это одно из условий.

– Самое легкое условие.

Отшвырнула газету. Любит ее. Любит. Как же это режет глаза и сердце. Всю меня режет на куски. Они оба меня могли обмануть. Могли вдвоем придумать этот спектакль, чтобы получить ребенка, а теперь живут счастливо.

Мне казалось, что все хорошее в моей жизни, все лучшее они забрали себе. Мое счастье там у них. Моя душа, сердце, моя жизнь.

Порвала газету на мелкие кусочки и аккуратно выкинула в ведро. Вымыла посуду, сложила в свой шкафчик и, надев очки из простого стекла, вышла из хостела. Я приучила себя к общественному транспорту и теперь знала

расписание всех автобусов в сторону фешенебельного района Барселоны.

Долго смотрела на их дом. Да, я видела его и раньше, но сейчас вживую мне казалось, что я снова возвращаюсь в прошлое, в то дежавю, где меня держали в подвале в таких же роскошных хоромах.

Тихо… успокойся! Никто не причинит тебя зла. Ты можешь за себя постоять. Ворота оказались открытыми, как раз заезжал мини грузовик. Я проскользнула во двор. Дверь дома так же оказалась открытой, и я вошла внутрь совершенно беспрепятственно. Стараясь унять сбившееся дыхание и бешеное биение сердца, я шагнула на ступеньку… Вдалеке послышался голос Альвареса, и меня тут же заморозило на месте. Захотелось сбежать. Мчаться прочь, что есть мочи, не оборачиваясь…. А потом услышала детский плач, и сердце рвануло как будто острыми когтями. Я бросилась вверх по ступенькам.

– Кто такая? Куда?!

Меня схватили за локоть, и я чуть не вскрикнула. Это был дворецкий. Он сверлил меня презрительным взглядом.

– Кто тебя впустил в дом? А ну давай отсюда! Мы уборщицу уже наняли.

Выдохнула и попыталась высвободить руку.

– Я..по объявлению насчет няни.

– Из какого агентства?

– Я не из агентства… я…

– Мы не берем не из агентства. Давай выметайся, пока я не вызвал полицию.

– А вы дайте мне поговорить с родителями ребенка. Может быть, у них будет иное мнение.

Мимо нас пробежал худой мужчина с портфелем, он бормотал что-то себе под нос. До меня донесся голос Арманда. Он был очень мягким, звучал совершенно

иначе, чем я привыкла слышать. Точнее, такого голоса я не слышала у него никогда.

– Ну и что ты наделал? М? Оставил меня без защиты? Ты почему назвал этого…этого индюка индюком?

Они показались в коридоре. Оба. Мой враг с маленьким мальчиком на руках. Малыш обхватил шею отца ручонками и преданно заглядывал ему в глаза.

– Пошли, я погрею тебе кашу. Но завтра мы будем искать няню, и тебе придется с этим смириться.

Сын отрицательно покачал головой.

– Хочешь сидеть с мамой?

Тоже отрицательно качает головкой и обнимает сильнее. А у меня дыхание перехватило, и сердце стучит так сильно, словно сейчас прорвет грудную клетку и покатится под ноги к этому мужчине. Дышать все труднее, а глаза затуманиваются слезами. Малыш…мой малыш. Мой любимый мальчик. Как я изучала твое лицо, любовалась им, прятала под подушку снимки из газет, сайтов, поисковиков, но какой же ты красивый вживую. Счастье мое родное…

– Я не могу.

Обнял сильнее и прижался всем тельцем.

– Правда, не могу. Мне надо возвращаться в спорт… иначе ты не сможешь мною гордиться. Никогда.

– Сеньор Альварес, к вам пришли.

Наконец-то соизволил заговорить дворецкий.

– Кто?

Арманд повернулся к помощнику.

– Женщина, говорит, что она по объявлению… Но, насколько мне известно, вы работаете с агентством.

– Пусть подождёт за дверью, я поговорю с ней.

Зазвонил его сотовый, и Арманд потянулся за телефоном.

– Слушаю. Новости есть?

Матео начал крутиться на руках, пытаться выхватить сотовый, когда Альварес вырвал мобильный из рук ребенка и отвернулся с телефоном, мальчик заплакал.

– Давайте я его подержу.

Это вырвалось непроизвольно, и я протянула руки вперед… если бы могла, то упала бы на колени и просила вернуть мне моего сына. Но я не стану просить. Я заберу. Просить могла Таня.

Глава 7

Я много раз читала о любви к мужчине, к женщине, к родителям, и эта любовь была мне понятна, я ее познала, но никогда не понимала о любви к ребенку и не представляла, какая она на самом деле эта любовь.

Но едва я взяла свое солнышко на руки, меня начало трясти от этой любви. Она пронизала меня настолько сильно, что я, оглушенная, израненная ею, просто стояла и смотрела в синие глаза своего сына, и понимала, что вот она любовь. Самая настоящая, единственная, истинно огромная, непревзойденная, ослепительно яркая, безумная, слепая, глухая.

Я готова ради нее умереть, дать разрезать себя на куски, уничтожить целый мир, только бы эти синие глаза смотрели на меня с этим любопытством, с этим интересом, изучая. А я не могу, мне хочется прижать его к себе, застонать, целовать в исступлении его лицо, его ручки, его шейку. Он ведь мой. МОЙ. Это чувствуется на ментальном уровне, кожей, каждой молекулой. Он пахнет МОИМ ребенком. Я чувствую, по-животному, примитивно, остро. Мой сын. Моя крошечка. Любовь моя. Матео… Матвейка. Так я называла его про себя. Мой котеночек с голубыми глазами и острыми маленькими коготками.

Когда замахнулся, я, сама того не ожидая, перехватила маленькую ручку и прижала к губам. Увидела, как удивленно распахнулись глазенки и приподнялись ровные отцовские брови. Да, малыш. Я не злюсь. Я прочла много книг, я знакомилась с тобой издалека. Я готовилась к встрече с тобой и даже к тому, что ты меня поначалу не примешь. Но эту встречу не передать словами… самая ценная встреча в моей жизни.

Для меня пропал весь мир, пропал этот дом, пропал его отец. Мы одни. Я и мой сын.

– Привет. Я… , – «твоя мама», – Нина.

– Имейте в виду. Он может вас покалечить!

Голос Альвареса ворвался в мой рай и заставил обернуться, чтобы встретить жесткий взгляд, полный недоверия и какого-то высокомерного презрения. Но в этот момент мальчик потянул меня за волосы, привлекая мое внимание, и я прижала его ладошку к своей щеке снова, отвлекая от агрессии, обескураживая и заставляя снова широко распахнуть глаза.

– А ты Матео, я знаю. Хочешь, я расскажу тебе сказку про маленького мальчика, которого звали Матео?

Кивнул и с любопытством потрогал мою щеку, провел ладошкой вниз по скуле. Как же сладко ноет мое сердце, когда маленькие пальчики прикасаются ко мне и обнимают мое заледенелое сердце, согревают, заставляют снова биться. Сколько сказок я сочинила для него в клинике. Я придумывала их каждый день. Самые разные, добрые и не очень. Но всегда со счастливым концом.

– Жил был маленький мальчик. С темными волосиками, синими глазками. Жил далеко, высоко в замке у злого дракона и ведьмы. Когда-то маленького мальчика украли у его мамы, потому что она была бедная, а ведьма-королева не могла иметь детей.

Как внимательно он слушал, то хмурил бровки, то приподнимал их. Потом вдруг протянул ручку за очками, но тут же остановился, а я сняла очки и надела их на него. Поднесла малыша к зеркалу и скорчила ему рожицу, а он мне. Потом дернул опять за прядь волос.

– Рассказывать сказку дальше?

Он кивнул. Странно. До сих пор я не услышала от него ни одного слова. Даже звука не издал.

– Ведьма закрыла маму принца в темном подвале, и когда та родила красивого мальчика, заколдовала ее, превратила в страшную старуху, а сыночка забрала себе в далекий замок. И теперь мама принца должна найти его и вернуть любой ценой, но кто даст страшной старухе пробраться в замок, правда?

Как внимательно слушает в моих же очках, склонил головку набок. Такой забавный, как маленький гном.

– Каким образом вы узнали, что я ищу няню? Вы не из агентства, а объявлений на улице я не развешивал!

Как же мне хотелось, чтобы Альварес молчал, чтобы не мешал мне, чтобы не сокращал эти бесценные минуты, не превращал их в ничто и не портил своим проклятым голосом. Моя ненависть к нему росла параллельно дикой любви к сыну. Как понимание того, что он виноват. Пусть косвенно или прямо в том, что мой мальчик сейчас не со мной. Но когда обернулась, что-то в его взгляде заставило насторожиться. Как будто он… как будто удивлен, поражен, словно чем-то ошарашен. Нееет. Нет. Он не мог меня узнать. Я не должна бояться. Во мне все другое. Абсолютно. Даже с девушкой знаменитого хирурга я не похожа. Но что-то его смутило. Он даже тряхнул головой.

– Верно. Я не из агентства. Простите, что ворвалась к вам в дом.

Старалась говорить мирно, скромно, как подобает замухрышке, которая ищет и жаждет работу.

– У вас работала Агнес, уволилась на прошлой неделе. Она моя подруга. Мне просто очень нужна работа.

– Я не беру людей с улицы. Как и подруг подруг, сестер подруг, бабушек подруг и так далее. Тем более к своему ребенку.

И сделал жест, за который мне захотелось его убить прямо сейчас. Он протянул руки, чтобы забрать у меня Матео. Выдернуть из моих объятий. Отдалить, лишить его моей нежности, моих прикосновений. Все это время я гладила его спинку и волосики на затылке. Но малыш увернулся и прижался ко мне, обжигая мое сердце адским восторгом.

– Медвежонок, иди ко мне. Давай. Иди к папе.

– Нет! – впервые произнес хотя бы одно слово. Он отстранился от отца, но тот насильно забрал его. В ответ мальчик начал выкручиваться, хныкать, отпираться, изо всех сил пытаясь вырваться. Вот-вот начнет истерить. Я видела, как Матео бьет Альвареса, впивается в него пальчиками, отталкивает и даже щипает. Очень дико, агрессивно.

– У вас есть рекомендации? Опыт работы?

– Нет, нету. Я раньше на такой работе не работала, но я люблю детей и уверена, что справлюсь.

– Не справитесь! Матео сложный ребенок, и ему требуется особый подход. Мне нужны люди с дипломом и педагогическим образованием, а не…

Сложный? В чем он сложный? Он просто обыкновенный маленький мальчик, которому нужно внимание, любовь и ласка.

Осмотрел меня с ног до головы, и я напряглась. О чем думает? О том, как вышвырнуть меня за дверь побыстрее. Такие, как Нина, не его вкус и стиль.

– Но вы ищите няню уже больше года, и никто у вас не задерживается. Дайте мне шанс. Я понравилась мальчику. Вы же видите!

Я цеплялась за любую возможность. Главное, не молчать, главное, быть уверенной в себе. Так учила меня психолог, с которой мы прорабатывали мои проблемные и слабые места. Я должна получить это место. Просто обязана.

– Вам пора. Рамирес проведет вас к двери.

Отвернулся от меня и пошел в сторону игровой, удерживая сына на руках. Снова зазвонил его мобильный. Арманд чертыхнулся и прижал телефон к уху, второй рукой пытаясь удержать извивающегося ребенка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/soboleva_ul-yana/kradenoe-schast-e-2-zaklyuchitel-naya

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити